

ОТСТАВКА АДАШЕВА

Адашев был, без сомнения, одной из самых ярких фигур среди государственных деятелей России XVI в. Некоторые современники считали его подлинным правителем государства. Адашев любил справедливость, сурово карал приказных, повинных во взяточничестве, не терпел боярской волокиты в судах. Осведомленный столичный летописец писал об Адашеве: «А как он был во времени, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя, а кому молвит хомутовкою (упрекнет за плутни), тот болши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану».

Курбский видел в Адашеве мученика, пострадавшего от тирании царя Ивана. В соответствии с этой установкой он соста-

вил его биографию — благочестивое житие нового мученика. Боярское свидетельство пристрастно. Но его невозможно отбросить, так как оно находит подтверждение в источнике независимого происхождения — столичной летописи. «А житие его было, — писал об Адашеве современник, — всегда пост и молитва безпрестани, по одной просвирке ел на день».

В некоторых нравах, отметил Курбский, Адашев отчасти походил на ангела. Ангелоподобность костромского дворянина заключалась в его благочестии, преданности букве и духу православия. В умерщвлении плоти первый сановник государства старался превзойти монахов. Его дом всегда был полон каликами переходжими и юродивыми. Не довольствуясь щедрой раздачей милостыни, Адашев завел богадельню. В ней он приютил много десятков больных («прокаженных»), «тайне питающе, обмывающа их, многожды же сам руками своими гной их отирающа». Уход за страдальцами требовал времени и сил.

Самой примечательной фигурой среди приживалок в доме правителя была некая полька Мария, носившая, как видно, не без основания прозвище Магдалыня. Она была обращена Адашевым из католичества в православие. Своим благочестием она старалась сравняться с покровителем. Эта «великая и превосходная посница многожды в год единова в седмицу вкушающи» (питалась раз в неделю), а на теле носила «вериги тяжкие железные».

Адашева отличала склонность к компромиссам. Ему не доставало решимости идти напролом, проводить крутую ломку отжившего. На его политические воззрения оказали влияние сочинения дворянских публицистов. Но в своей практической деятельности он не мог следовать их радикальным программам.

Военные действия в Прибалтике приобрели широкий размах. В ходе кампании наметился перелом. Не было ничего удивительного в том, что Грозный направил Адашева в Ливонию. Само по себе это назначение не было знаком царской немилости. Монарх привык посылать любимца туда, где назревали решающие события.

Правитель наконец-то смог воспользоваться плодами реформы местничества, проведенной им самим. В последнем ливонском походе он был назначен третьим воеводой большого полка князя Ивана Мстиславского. Пост помощника главнокомандующего был самым высоким из всех постов, которые когда-нибудь занимал любимец царя.

Мстиславский не отличался сильным характером и не имел за спиной военных побед. Направляя в Прибалтику Адашева, царь, надо полагать, предписал ему действовать без промедления и решительно. Правитель не смог выполнить наказ государя и должен был заплатить за это.

30 августа 1560 г. Мстиславский и Адашев донесли царю о взятии замка Феллин и назначении в эту крепость воеводы Очина Плещеева. В ответ Иван IV приказал сменить воевод и послать в Феллин братьев окольных Алексея и Данилу Адашевых. Замок был как бы на острие русского копья, направленного в глубь Ливонии. И на этот раз правитель был послан в самую опасную точку. Но главным было не это. Адашев был смещен с поста помощника главнокомандующего, что явилось знаком прямой царской немилости.

Иван IV был последователен в своих действиях. Сразу после назначения Адашева в Феллин он велел отобрать у временщика все его земли в Костромском уезде — село Борисоглебское со слободой и сельцом, с 55 деревнями. К 9 октября 1560 г. Поместный приказ выписал грамоту на эти земли боярину Ивану Меньшому Шереметеву, ближайшей родне Романовых-Захарьиных.

Грозный не желал уничтожить преданного советника. Он наделил опального обширным поместьем в Новгороде. По площади новгородские владения в три раза превосходили утраченные костромские. Но северные земли с их болотами и мхами уступали костромским. К тому же новые владения были государственными и могли быть в любой момент отобраны в казну. На некоторое время Адашев стал самым крупным из новгородских помещиков.

В 1550 г. в тысячу лучших слуг вошли дворяне как Московской, так и Новгородской земель. Однако в Дворовой тет-

ради 1552 г. с полным списком московского Государева двора новгородцы отсутствовали. Разделение было связано с тем, что из-за бездорожья поездки новгородцев ко двору в Москву были непосильны для новгородских детей боярских. Удовлетворив требование новгородцев, власти отказались от посылки новгородских отрядов на восточные окраины и возложили на них обязанность вести военные действия в Прибалтике.

Пожалование Адашеву новгородского поместья свидетельствовало, что отныне он должен был сосредоточить всю свою деятельность на том, чтобы довести до победного конца войну за Ливонию.

Адашев недаром стремился ограничить местнические порядки. Они в конечном счете и погубили его карьеру. В Феллин Алексей прибыл не один, а вместе со вторым воеводой Осипом Полевым, своим земляком. В дворовом списке по Костроме Полевы были записаны выше Адашевых. Воспользовавшись этим обстоятельством, Осип затеял местнический спор с Адашевыми и выиграл его.

Вслед за тем Адашева перевели в Юрьев Ливонский под начальство боярина князя Дмитрия Хилкова. Судя по летописи, Хилков якобы отказался исполнить приказ государя о назначении Алексея «нарятчиком» (что именно должен был «наряжать» окольничий, неясно). Адашев просил о служебном назначении многожды, а боярин каждый раз отказывал ему, может быть, в ожидании инструкций из Москвы.

Сильвестр, оставшийся в Москве после отъезда Адашева в Ливонию, предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Тогда он объявил царю, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь.

Царь не стал мстить родне священника. Государев дьяк Анфим, сын Сильвестра, был переведен из Москвы в пограничную крепость Смоленск, где и продолжал служить по крайней мере четыре года.

Сам Сильвестр имел возможность увезти с собой в Кириллов свою библиотеку, а также имущество и казну. В неизвестное время он отправил в Соловецкий монастырь шестьдесят шесть своих книг и более двухсот рублей денег. Сумма по тем временам была очень большой. Такую же сумму царь пожертвовал в Кириллов на устройство своей кельи. Сильвестр прожил в монастыре немало лет, не подвергаясь гонениям.

Противники Сильвестра и Адашева старались убедить царя в том, что ему пора избавиться от опеки со стороны наставников и править самодержавно, по своей воле. Они старались пробудить самолюбие государя, говоря, что бывший правитель пользуется большей популярностью в народе и среди дворян, чем сам монарх. «А к тому любяще их (Сильвестра и Адашева) все твое воинство и народ, нежели тебя самого».

Наставники государя давно враждовали с Захарьинными и старались ограничить влияние царицы Анастасии при дворе. В начале августа 1560 г. Анастасия умерла, и ее братья постарались убедить всех, будто ее «счаровали» (околдовали) враги. Захарьины указывали на Адашева. Это свидетельство Курбского находит прямое и недвусмысленное подтверждение в письмах Грозного. «А и з женою, — писал Иван IV, — вы меня про что разлучили? Только бы вы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было».

Подозрение в колдовстве пало на приживалку Алексея Марию Магдалыню. Позднее она была казнена вместе с пятью сыновьями как «черовница и Алексева согласница».

Адашев был думным человеком и правителем. Лишить его думного чина и вотчин можно было только с помощью боярского суда. Нет ничего невероятного в сообщении Курбского о том, что отставка Адашева обсуждалась в Боярской думе в присутствии митрополита и высшего духовенства. Митрополит Макарий просил допустить Адашева в столицу, с тем чтобы решить вопрос о его судьбе в присутствии обвиняемого. Но Макарию возражали архимандрит митрополичьего Чудова монастыря Левкий, старец Мисаил Сукин, монах Васьян Бесный. Опираясь на их поддержку, Захарьины и их приспешни-

ки настояли на заочном разбирательстве. Адашев просил царя дать ему правый суд. Но его послания были перехвачены Захарьинными.

Обвинительный акт с перечнем провинностей правителя, одобренный самодержцем, был оглашен в думе, что решило исход дела.

О последних днях Адашева нет достоверных данных. Одна из летописей сохранила глухое известие, будто в Юрьев прибыл специальный гонец с царским повелением убить бывшего правителя. Гонец действительно был прислан, но для того, чтобы узнать причину смерти Алексея.

Курбский утверждал, что в Юрьеве Адашев два месяца содержался «под стражею». Если так оно и было, то непонятно, почему у опального не отобрали в казну его огромное поместье? Более того, вдова Алексея Адашева оставалась владелицей мужнина поместья еще 12 лет. Факт беспрецедентный. Не подтверждает ли он, что жена Алексея действительно была родственницей царицы? Если бы не заступничество влиятельных лиц, вдове выделили бы в лучшем случае небольшое поместье на прожиток.

Адашев не выдержал свалившихся на его голову бед и «в недуг огненный впал». Он умер от нервной горячки. Его недруги в Москве тотчас стали распространять слухи о том, что он отравился. Встревоженный монарх прислал в Юрьев ближнего дворянина князя Андрея Телятевского. Посланец произвел дознание о причинах гибели Адашева и составил отчет. Этот документ хранился в царском архиве: «Обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева». Царя тревожила людская молва, приписавшая ему смерть недавнего любимца.

Падение правителя непосредственно повлекло за собой крупных политических потрясений. Думного чина лишился брат Алексея Адашева Данила. От службы был отставлен Игнатий Вешняков. Многочисленные соратники временщика, а равно и его ставленники, избежали преследований, но должны были заново присягнуть на верность государю и его детям.

Расставшись с наставниками, царь постарался искоренить самую память о них. Что считалось при Сильвестре хорошим тоном, подверглось теперь осмеянию. На смену унылому постыничеству пришли роскошные пиры и потехи. Царь приглашал во дворец своих тайных недоброжелателей-бояр и принуждал их пить «чаши великие». В потешной компании царя заведен был такой порядок. Первую чашу, полную «зело пьяного питья», выпивал сам Иван, такие же чаши подносили остальным пирующим, пока все не упивались до неистовства и «обоумертвия». Если кто-нибудь из гостей упирался и отказывался осушить кубок, его корили тем, что он «недоброхотен» царю, что из него еще не вышли «дух и обычай» Сильвестра и Адашева.

Попойки во дворце коробили ревнителей благочестия. Царь признавал свое «неблагочиние», но утверждал, что происшедшие при дворе перемены отвечают высшим интересам государства. Играми и потехами, говаривал Иван, он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас (бояр) изменников!» Иван старался укрепить свой престиж любыми средствами. В этом ему немало помогло духовенство. Через полтора десятилетия после царской коронации послы константинопольского патриарха привезли в Москву решение Вселенского собора, подтвердившее право московита на царский титул. Глава Вселенской Православной Церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затяжные по этому поводу пышные богослужения призваны были упрочить власть Грозного.